

Будущее: рассекречено

КАКИМ БУДЕТ МИР
В 2030 ГОДУ

МЭТЬЮ БАРРОУЗ

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Эту книгу хорошо дополняют:

Мир в 2050 году

Дэниел Франклин и Джон Эндрюс

**Будущее глазами одного из самых
влиятельных инвесторов в мире**

Джим Роджерс

Развязка

Джон Молдин и Джонатан Теппер

[>>> Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Mathew Burrows

The Future, Declassified

Megatrends That Will Undo
the World Unless We Take Action

Palgrave Macmillan
2014

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Мэтью Барроуз

Будущее: рассекречено

Каким будет мир в 2030 году

Перевод с английского Марии Гескиной

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2015

[>>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 008.2
ББК 87.526.4
Б51

На русском языке публикуется впервые

Барроуз, Мэтью

Б51 Будущее: рассекречено. Каким будет мир в 2030 году / Мэтью Барроуз ; пер. с англ. М. Гескиной. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 352 с.

ISBN 978–5–00057–589–5

На протяжении десяти лет Мэтью Барроуз работал над отчетом «Глобальные тенденции» — ключевым футурологическим материалом для Белого дома и Министерства обороны США. Этот отчет отличается смелыми и при этом точными прогнозами. Именно этот секретный документ определял и определяет основные вехи и направления американской политики.

У вас в руках исчерпывающий анализ того, какие значительные сдвиги и тренды ждут нас до 2030 года. Мы живем в эпоху глобальных, значимых и быстрых изменений в истории — и жизненно важно направить их в правильное русло.

Это важная книга для всех, кто принимает решения на любом уровне. Она для тех, кто заботится о своем будущем и будущем своих детей.

УДК 008.2
ББК 87.526.4

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

VEGAS LEX

ISBN 978–5–00057–589–5

© Mathew Burrows, 2014

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Оглавление

Введение. Не казните гонца	9
ЧАСТЬ I. МЕГАТЕНДЕНЦИИ	21
Глава 1. Власть одного	23
Глава 2. Раздробленный мир	61
Глава 3. Изображая бога	88
Глава 4. Эра дефицита или эра изобилия	109
ЧАСТЬ II. ПОВОРОТНЫЕ МОМЕНТЫ	131
Глава 5. Революционный Китай?	133
Глава 6. Будет ли технология благом или проклятием?	149
Глава 7. Возвращение к миру в войне?	170
Глава 8. Последние дни Pax Americana?	195
ЧАСТЬ III. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МИРЫ	217
Глава 9. Враг моего врага — мой друг	219
Глава 10. Восток есть Восток, а Запад есть Запад	243
Глава 11. С такими друзьями...	266
Глава 12. Как заставить систему работать	289
Заключение. Готовы ли мы к будущему?	313
Примечания	324
Благодарности	344
Об авторе	346

Все утверждения, мнения и аналитические замечания, высказанные в этой книге, принадлежат автору и не отражают официальной позиции или взглядов ЦРУ либо другого правительственного агентства США. Ничто из сказанного не должно быть истолковано как утверждения либо допущения из подлинных документов правительства США или согласие ЦРУ с авторской позицией. Материал был проверен ЦРУ во избежание утечек закрытой информации.

Введение

Не казните гонца

США, а может, и всему миру пришлось пережить пару неудачных десятилетий: нас на каждом шагу поджидали неприятные сюрпризы и потрясения. Сначала 11 сентября, потом войны в Ираке и Афганистане, где все пошло не так, как мы ожидали. В 90-е нам говорили, что финансовых кризисов больше не будет. И это внушало большие надежды, пока в 2008-м не грянула Великая рецессия. Европа больше пострадала от кризиса, тем более что он был «импортирован» из США. «Арабская весна», как бы ее поначалу ни приветствовали, тоже оказалась по большей части сюрпризом. Никто не ожидал, что режимы Бен Али или Мубарака рухнут так быстро, а авторитаризм вернется так скоро — как это произошло в Египте. Два крупных природных катаклизма — ураганы «Катрина» и «Сэнди» — показали, насколько мы уязвимы и как плохо умеем прислушиваться к предупреждениям о надвигающемся бедствии. И наконец, совсем недавно аннексия Крыма Россией, как гром среди ясного неба, разрушила наши надежды на то, что раздоры времен холодной войны остались в прошлом. Относиться к этому можно по-разному. Это просто черная полоса. Все страны и люди время от времени через это проходят. Удача снова повернется к нам лицом. Так всегда бывает. США обязательно воспрянут. Вот как большинство из нас относится к проблеме или хотели бы к ней относиться.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Другой подход — считать потрясения и неожиданности новой нормой. Есть разные причины: глобализация, усиление связей, новые экстремальные погодные факторы и динамичное развитие технологий. Все это достигает критической массы. В повседневной жизни мы часто видим, что изменения становятся все существеннее, и будущее от этого кажется все менее предсказуемым.

Я выбрал второй путь. Я свято верю в то, что все вернется на круги своя, даже если США и другим странам сейчас кажется, что статус-кво рассыпается на глазах. Но чтобы добиться успеха и заявить о себе в этом новом, быстро меняющемся мире, одной удачи недостаточно. Я уверен, что мы вступаем в новую эру, которую пока до конца не осознали. И в отличие от прошлых лет у США нет подушки безопасности на случай ошибки. Нам просто нужно быть умнее.

На самом деле будущее не обязательно печально. Но оно может таким стать, если мы не примем мер. Мы сейчас на распутье и можем пойти разными путями. Многим из нас, похоже, нет дела; возможно, они считают, что ничего тут сделать нельзя. На мой взгляд, это не так. У нас есть много разных способов повернуть ситуацию себе во благо.

Эта книга — результат 10 лет работы в Национальном совете по разведке США (National Intelligence Council, NIC), которая была для меня истинным счастьем и огромной честью. Заветная мечта аналитика: я занимался по-настоящему серьезными темами: Каким путем идет Ближний Восток? Будем ли мы жить в мире, где существует угроза распространения ядерного оружия? С какими опасностями приходится сталкиваться США? Удастся ли нам победить во всемирной войне с терроризмом?

Действительно, за 10 лет работы в NIC я много думал и активно участвовал в исследованиях больших проблем, с которыми имеют дело США и весь мир, но большая часть этих материалов остается под грифом «секретно». Есть один доклад, который NIC каждые четыре года готовит для нового правительства США. Он не засекречен

и посвящен долгосрочному прогнозу на будущее. Он-то и лег в основу этой книги. Всего выпущено пять изданий «Глобальных тенденций», и я был ведущим автором трех последних.

Материалы «Глобальных тенденций» имеют все большее влияние как в правительственных кругах, так и за их пределами. Я информировал по ним президентов Джорджа Буша-младшего и Барака Обаму. Они используются Белым домом, Пентагоном и другими структурами при стратегическом планировании. Спецслужбы руководствуются ими, разрабатывая разведывательные операции. За границей они широко используются правительствами государств, по ним читают лекции в университетах. Материалы переведены на семь языков.

Я не пессимист, но и наивным оптимистом меня не назовешь. Я был воспитан на поговорке «На Бога надейся, а сам не плошай» и верю, что ее можно применять к народам и цивилизациям точно так же, как и к отдельным людям. Мы можем и должны планировать свое будущее.

Меня все больше тревожит, что американцы не планируют будущее. Отчасти это связано с непониманием истинного масштаба происходящих изменений. Еще никогда человечество не стояло на пороге столь серьезных технологических перемен, когда почва как будто уходит у нас из-под ног. Меняется сама природа человека. Границы умственных и физических возможностей расширяются. Для миллиардов людей в развивающемся мире речи о заре новой, более благополучной эры — не просто красивые слова. А ведь о таком нельзя было и помыслить еще каких-то два-три десятилетия назад.

И американцам стоит быть в центре этих перемен. Либеральный миропорядок, который мы установили после 1945 г., позволил другим странам и обществам процветать и расти. Сегодняшний многополярный мир — часть американской мечты, и мы должны радоваться этому.

К сожалению, похоже, мы видим в этом все большую угрозу для себя. Слово «многополярный» до недавнего времени не входило

в официальный правительственный лексикон, и многие влиятельные люди, занимающиеся в Вашингтоне внешней политикой, все еще не готовы принять порядок, при котором США играют менее доминирующую роль. Это слово появилось во втором издании «Глобальных тенденций», над которым я работал, в результате нелегкой борьбы. Некоторые мои коллеги были категорически против. В итоге за его включение высказался председатель NIC Том Фингар. Не стоит спорить о том, что уже стало реальностью. И ею надо гордиться, а не видеть в ней угрозу.

«Относительный спад» в США — еще один использованный мною в последних двух изданиях термин, по поводу которого было сломано немало копий. Некоторые критики считали, что я подрываю престиж страны, используя это выражение в официальном правительственном документе. Забавно, но высокопоставленные китайские политики были удивлены появлением таких слов в официальном докладе, однако пришли к выводу: США так уверены в себе, что могут позволить себе открыто говорить о своей слабости. Я не думаю, что относительный спад свидетельствует о слабости. Это только подтверждение того, что остальной мир становится богаче. Но я согласен с китайцами: стыдиться нам нечего. И тот факт, что мы можем говорить о себе честно и открыто, повышает в глазах остальных доверие к этому документу.

Очень жаль, что мы так много времени потратили на обсуждение спада, особенно в свете открывающихся возможностей. До сих пор очень многие в мире — пусть и не все — мечтают об основных составляющих нашего стиля жизни: традиционного быта среднего класса, который подразумевает такие материальные блага, как машины и дома, а также свободы, которые есть у американцев, и возможность планировать будущее детей. Многие люди в мире до недавнего времени не могли надеяться на лучшее будущее для своих детей. Разве что по счастливому стечению обстоятельств либо по рождению. Рост среднего класса — очень важная тема. Как вы увидите, он особенно

важен для США, потому что позволяет другим стать частью многополярного мира. Я взялся за эту книгу отчасти потому, что хотел донести до читателей эту жизнеутверждающую мысль.

На мой взгляд, несмотря на обилие тенденций, которые можно только приветствовать, есть и поводы для беспокойства. Впереди у нас долгий опасный путь по скользкой дороге с головокружительными поворотами и множеством участков, проходящих по краю пропасти. Вся надежда на разум. Беда в том, что опасности, за которыми нужно неусыпно следить, разнообразны. Было бы куда проще, если бы мы могли точно сказать, какие именно трудности ждут нас. В книге говорится о том, что сегодня отдельные личности или небольшие группы людей могут причинить такой вред, какой раньше был возможен только для государств. У правительств накопился почти пятивековой опыт — по крайней мере на Западе — существования в условиях международного порядка, которым управляют государства. Но теперь мы живем в новом мире, где террористы могут взорвать здания в сердце Манхэттена или Вашингтона. Британцам во времена расцвета их империи тоже приходилось опасаться афганского джихадизма, однако он никогда не угрожал Лондону. Ирландские террористы взрывали бомбы в столице империи, но не угоняли самолетов и не направляли их в здания. К несчастью, масштабы разрушений 11 сентября — не самый страшный пример того, что могут сотворить террористы, боевики и государства.

Не могу вам передать, сколько раз на моей памяти — особенно когда их приводили в отчаяние расплывчатые требования террористов или боевиков — члены правительства США откидывались назад в своих креслах и с тоской закатывали глаза, бормоча, насколько проще все было во времена холодной войны. Тогда мы знали, кто враг (СССР и коммунизм) и чего он хочет (мирового господства). И даже когда велись освободительные войны в Центральной Америке или Африке, мы по крайней мере считали, что знаем, кто наш истинный враг. Мы снова наблюдаем нарастающую напряженность в отношениях

с Россией из-за ее агрессии на Украине, но я не верю, что мы вернемся в биполярному миру двух сверхдержав, пожирающих друг друга взглядами. К сожалению, когда мир станет и более глобализованным, и более дезинтегрированным по мере роста многополярности, все станет куда запутаннее.

Мы попали из черно-белого мира в серый и разумом понимаем, что переход произошел. И все же в душе мы все еще ищем простого объяснения зарождающейся эры. Каждый из нас хочет стать новым Джорджем Кеннаном, придумавшим концепцию сдерживания СССР. Это была четкая и емкая концепция, благодаря которой все наши действия во время холодной войны обрели смысл и направление.

Если бы это было так просто. Лучшее определение эры, в которую мы вступили, есть в первых строках «Повести о двух городах» Чарльза Диккенса — завораживающего бессмертного романа, повествующего о Французской революции, начавшейся в 1789 г.: «Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен... это была весна надежд, это была зима отчаяния...» Диккенс писал его во времена колоссальных изменений, результат которых был еще неочевиден. Мы переживаем подобные времена. Помимо 1789 г., я бы сравнил сегодняшний период с другими поворотными моментами истории, такими как 1815, 1919, 1945 или 1989 гг., когда рушились политические, социальные и экономические системы. Мы либо берем на себя ответственность и направляем изменения в нужное русло, либо они возьмут верх над нами. В журнале *Foreign Policy* меня однажды представили как фаталиста, но на самом деле я очень далек от подобных воззрений¹. Эта книга написана с единственной целью: помочь нам создать свое будущее. Как американец я считаю, что особенно высоки ставки с точки зрения положения нашей страны в мире, а также для рядовых граждан США, которые хотят сохранить свое качество жизни. Но они высоки и для всех остальных, причем везде. Вполне объяснимо, что после более 10 лет войны американцы хотят обратиться

к проблемам дома. И нас ждут срочные задачи, которые мы слишком долго игнорировали. Но если не участвовать в создании глобального климата, нам также не достичь светлого будущего. А значит, нам предстоит работать на два фронта, что непросто.

Можем ли мы предсказать будущее?

Мне постоянно задают этот вопрос. И, конечно, ответ — нет. Ни у кого из нас нет хрустального шара. Но мы можем знать о будущем достаточно, чтобы планировать. Есть разница между пророчеством и дальновидностью. Пророчество — попытка точно предсказать будущее (а это невозможно). Дальновидность — понимание факторов и показателей, которые могут определить его. Она неизбежно подразумевает альтернативные варианты: действия по отношению к имеющимся тенденциям могут привести к разным последствиям. Здесь стоит вспомнить знаменитое высказывание президента Дуайта Эйзенхауэра: «План — ничто, планирование — все»². Постоянные раздумья о будущем, даже если мы не можем его точно предсказать, помогают нам подготовиться к его наступлению.

«Глобальные тенденции» могут похвастаться богатым опытом в распознавании ключевых тенденций, влияющих на будущее. Прежде чем взяться за последнее издание, я запросил у двух академиков отчет, чтобы ознакомиться с полученными ранее сведениями. Мы отлично справились с выявлением ключевых тенденций и сценариев, а вот предсказать степень изменений оказалось сложнее. Изменения происходили гораздо быстрее, чем мы могли предположить.

И все же у правительства возникает куда больше проблем при планировании, чем при анализе, несмотря на все его слабые стороны. С анализом сейчас стало гораздо лучше. Белый дом восстановил должность стратегического советника, когда Стивен Хэдли стал советником по национальной безопасности во время второго президентского срока Джорджа Буша-младшего. Этот пост сохранился и при Бараке Обаме.

Он все больше координирует межведомственные стратегические отчеты и разрабатывает стратегию национальной безопасности. И все же кризисный менеджмент по-прежнему вытесняет разработку долгосрочной стратегии. Пентагон прилагает все усилия для систематического планирования будущего, но стратегии США недостаточно военной составляющей. Я не единственный, кто выступает за стратегический подход. Так что американское правительство не одиноко в своих попытках взять под контроль крутые виражи. Все остальные загружены ничуть не меньше. Страна, которая наконец научится мыслить стратегически, получит огромное преимущество.

Наша главная проблема — как реформировать правительство, чтобы оно успевало за вихрем новых событий, но не увязло в них. Начиная с 1945 г. США реформировали аппарат госбезопасности по мере того, как росла их роль на мировой арене. Возможно, перемены не требуют полного пересмотра всего, но мы еще даже не начали обсуждать эту проблему. Пока мы только осуждаем реактивный характер работы правительства.

Чем же эта книга отличается от отчета NIC? Во-первых, я могу более открыто говорить о том, что стоит делать. Исследование NIC — документ служб разведки, а следовательно, в нем я не могу указывать на пробелы в политике или критиковать ее слабые места. В книге можно более прямолинейно высказываться о рисках, связанных с ошибками руководства США. Она в большей степени, чем отчет NIC, нацелена на ключевые мировые проблемы и предоставляет наиболее актуальную информацию о них. Я американец, но надеюсь, что изложенное в этой книге носит общий характер и отражает взгляды граждан других стран. Отчеты NIC поднимают огромную волну интереса по всему миру, и реакции на них использованы в этой книге для определения путей дальнейшего развития ситуации в мире.

Я стараюсь дать исчерпывающий обзор будущего. Очень многие занимаются парой направлений, и картина оказывается неполной.

Кто-то делает акцент на несущественных или пугающих аспектах (так проще). Но очень важно продемонстрировать взаимосвязь всех перемен. Ведь мы сейчас наблюдаем изменения систем. Французская революция или появление массового производства, описанные в романах Чарльза Диккенса, возвестили новую эру национального самосознания, классовых конфликтов и многообещающих демократических методов в политике, а сегодня мы сталкиваемся с масштабными структурными переменами, которые приведут нас в совершенно другой мир. Как гласит индейская пословица: «Для новой музыки нужен новый танец».

К тому же эта книга — особая. Она во многом художественная. Это повествование о будущем устами вымышленных персонажей, создающих новый мир, иногда помимо своего желания. Я не хотел писать очередной педантичный программный документ, претендующий на массовую популярность. Нам стоит задуматься о том, какого будущего мы хотим себе и своим близким. Я покажу, что поставлено на карту для рядового человека, а не только правительств, международного бизнеса или организаций — тех, для кого обычно готовят прогнозы. Важно, что личность теперь значит гораздо больше, чем раньше. Часто правительства и другие официальные институты оказываются проигравшими. И будущее их, скорее всего, печально по целому ряду причин. Но и рядовые граждане могут многое потерять, если не понимают, что происходит.

Я не верю, что будущее будет таким, каким его описывают писатели-фантасты: когда все оказывается таким незнакомым и чужим. Да, мы действительно на пороге серьезных структурных перемен. И я согласен с писателем Уильямом Гибсоном: «Будущее уже наступило, просто оно еще неравномерно распределено»³. Зачастую нам непросто понять важность будущего. Прошлое никуда не исчезнет, оно будет влиять на наше отношение к будущему. Нам придется решать, чего мы хотим. И мы вправе выбирать. Надеюсь, эта книга поможет нам всем принять правильные решения.

Прежде чем закончить вступление, наверное, стоит немного рассказать о себе. До того как заняться прогнозированием для американских спецслужб, я прошел долгий и извилистый путь. По образованию я историк, занимался историей США и современной Европы. Окончив Уэслианский университет, я продолжил образование за границей, в Кембридже и Париже, и в 1983 г. защитил диссертацию по истории Европы. В 1986 г. я устроился на работу в ЦРУ.

Двадцать лет назад я вряд ли придавал большое значение прогнозированию. Думаю, я был не одинок. Тогда многие считали, что могут предсказать приблизительные очертания будущего: так мало было структурных изменений. Когда в 1986 г. я пришел в ЦРУ, не произошло еще ни падения Берлинской стены, ни распада СССР. Перемены меньше заботили нас. Казалось, мир застыл. Если мы и ожидали изменений, то только плавных.

В 2003 г. я стал членом NIC. Для специалиста по анализу разведанных это была работа мечты. NIC — ведущая организация, занимающаяся анализом данных разведки, имеющая доступ ко всей информации, получаемой системой служб разведки, и снабжающая президента и его ближайшее внешнеполитическое окружение авторитетным анализом ключевых проблем, с которыми сталкивается страна. Именно на этом этапе моей карьеры перемены стали пугающими и обескураживающими. 11 сентября, а спустя семь лет финансовый кризис 2008 г. просигнализировали о начале новой эры — куда менее предсказуемой и гораздо более озадачивающей.

С середины 1990-х NIC каждые четыре года (ко времени президентских выборов) начал публиковать большой прогноз тенденций на будущее. Члены NIC признали, что на ситуацию в мире влияют новые силы, которым раньше службы разведки не уделяли должного внимания: демография, глобализация и изменения в окружающей среде. Одним из исходных мотивов для создания отчета было желание привлечь в разведсообщество внешние экспертные знания. Отчет получил название «Глобальные тенденции» и заглядывал в будущее на 15–20 лет.

Я присоединился к работе NIC в 2003 г., когда его председатель Роберт Хатчинс ввел меня в состав совета в качестве директора по анализу и производству и дал мне задание составить текст следующего выпуска «Глобальных тенденций». Как историк по образованию я с восторгом встретил возможность рассмотреть происходящие изменения в более широком контексте, сравнивая то, что переживаем мы, с историческими событиями других переходных эпох. Что стало катализатором и какие прогнозы можно сделать? На мой взгляд, нет ничего более увлекательного — и в то же время трудного, — чем анализировать все возможные тенденции, влияющие на будущее, и размышлять о том, как они могут взаимодействовать и формировать различные варианты будущего.

Осенью 2013 г. я вышел в отставку после 28 лет на государственной службе и теперь работаю в совете НАТО, вашингтонском «мозговом центре», где руковожу Программой стратегического прогнозирования. Новая работа стала расширенным продолжением моих трудов в NIC. Появились частные клиенты, которые хотят с нашей помощью подумать о своем будущем. Надеюсь, эта книга поможет нам всем поразмышлять не только о будущем, но и о том, как мы можем на него повлиять.

Часть I

Мегатенденции

Мы живем в эпоху коренных изменений. Вариант сохранения статус-кво не рассматривается. Многим из нас угрожают описанные ниже мегатенденции. Мы всегда предпочтем отложить неизбежное, а не иметь с ним дело здесь и сейчас. Грядущие перемены не всегда к худшему. Более того, я готов утверждать, что большинство из них положительны. Мир нашего будущего *мог бы* стать таким, о каком мечтали предыдущие поколения на всей земле: жить в мире и иметь возможность процветать. При помощи науки мы можем расширить человеческие возможности, чтобы создать более богатый, разумный с экологической точки зрения и справедливый мир, если захотим.

Но эти тенденции обладают и разрушительной силой. И эта сила увеличивается, если мы не направим негативные элементы в более безобидное русло. Мы стоим на пороге эпохи, когда отдельный человек станет могущественнее, чем никогда, но одновременно и гораздо более зависим от машин. Благодаря искусственному интеллекту однажды роботы станут умнее человека. И это уже не научная фантастика, но и не пугающая перспектива, если мы примем меры для того, чтобы автоматизированные системы работали так, как мы хотим.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Мы поняли, как наши возможности могут опередить способность принимать решения, когда Эдвард Сноуден раскрыл информацию о том, как американское правительство следит за нами. Разведсообщество защищается, утверждая, что следовало закону. Но закон был создан, когда возможности подобного тотального контроля просто не было.

Для Запада в некоторых из этих мегатенденций кроется особый вызов. В ближайшие десятилетия мы увидим конец его господства, которое началось в конце XV в. с эпохи Великих географических открытий. Но это совершенно не означает заката Запада. Мы уже наблюдали мировую экспансию многих традиционных западных ценностей, хотя традиционно незападные страны становятся доминирующей силой в мировой экономике. Рост влияния Запада в 90-е гг. XV в. был весьма травматичным опытом для остального мира. Рост влияния «всех остальных» может быть связан с не меньшим количеством конфликтов. Впрочем, не обязательно.

Здесь главный вопрос в том, какую несправедливость мы готовы терпеть. Во времена невероятного технологического прогресса мы, возможно, увидим, как отдельные регионы будут скатываться в мальтузианство* или первобытное звериное состояние под воздействием случайной совокупности факторов, таких как климатические изменения, резкий рост населения, нехватка ресурсов или неграмотное управление. 11 сентября мы усвоили урок: непросто предотвратить распространение страданий и боли, источником которых становится непросвещенная и нищая часть мира.

---

* Демографическая теория, созданная в XVIII веке Томасом Мальтусом, согласно которой рост населения превышает рост производства продуктов питания, что в итоге приводит к голоду. *Прим. ред.*

Глава 1

Власть одного

Что так отличает грядущую эру от предыдущей? Очень многие в Вашингтоне ответили бы одним словом: Китай. Несколько лет назад, работая над предыдущими изданиями «Глобальных тенденций», я бы сказал то же, с той только разницей, что дело не только в Китае, но и в других странах, которые развиваются семимильными шагами и становятся державами регионального и мирового масштаба. Появление новых сильных игроков на мировой арене, начиная с Китая, и сегодня существенно отличает грядущую эру от ее предшественницы. Но главные и существенные перемены происходят в нашей повседневной жизни и связаны с ростом нашего значения как личностей.

Я всегда свято верил в то, что рост значения отдельной личности — явление положительное. Лучше просто не бывает! А как же иначе! Люди — мужчины и женщины всех рас и национальностей — наконец-то получают шанс в полной мере раскрыть свой потенциал. Не это ли демократическая мечта? Разве не к этому стремились бесчисленные поколения наших предков? Так почему бы нам не ликовать?

Я и по сей день так думаю, но стоит мне взглянуть на ситуацию глазами аналитика, как я вижу ожидающие нас трудности.

Впервые я начал подозревать, что далеко не все рады расширению возможностей личности, когда начал ездить по стране, работая над

«Глобальными тенденциями». Первый председатель NIC, с которым мне довелось работать, был достаточно мудр, чтобы понимать: нам никогда не удастся предсказать будущее, сидя в Вашингтоне. Необходимо ехать «в поля». Начиная с того первого издания, над которым я работал в 2004 г., я встречался с университетскими профессорами, бизнесменами, учеными, студентами, государственными чиновниками и множеством других людей по всей стране, а потом и за ее пределами. В 2004 г. мы пять раз отправлялись за рубеж; при подготовке последнего издания, вышедшего с моим участием в 2012 г., мы совершили 20 зарубежных командировок. Во время этих поездок у меня часто был черновой вариант доклада, который я показывал людям и просил высказать свое мнение. И мне пришлось много чего выслушать на тему расширения возможностей отдельной личности.

Во-первых, все как один, в том числе правительственные чиновники, соглашались, что значение личности растет. Они это ощущали. Тенденция существовала не только на бумаге. Процессы действительно шли, и людям это было заметно. Но на этом единомыслие и заканчивалось. Потому что очень многие видели тут серьезную угрозу. И наибольшую озабоченность выражали именно те, от кого мы в наименьшей степени ожидали пессимизма. Я был готов к тому, что возражения появятся у правительств России и стран Ближнего Востока. И совсем не ожидал этого от многих других.

Одно из первых откровений посетило меня в неожиданном месте. Холодным зимним утром я карабкался вверх от Люксембургского вокзала к зданию Европейского парламента в Брюсселе. Встретивший меня сотрудник провел меня по лабиринту коридоров. Наконец мы оказались в зале, где должна была проходить встреча за завтраком. Участники собрались здесь, чтобы обсудить проблемы интернета. Я был приглашенным докладчиком и должен был говорить о масштабных мировых тенденциях. Предполагалось, что достаточно короткой презентации проекта «Глобальные тенденции», и слушатели поймут основную мысль: мир подошел к переломному моменту, когда баланс

между личностью и государством коренным образом меняется. Но как только я закончил свою пламенную речь о том, как интернет открыл перед миллионами людей невероятные возможности, как одна слушательница подняла руку. Она представилась как член Европарламента и тут же стала жаловаться на то, как «гиперкоммуникация» разрушила ее жизнь. На моем лице, должно быть, отразилось недоумение, потому что она стала подробно описывать ненамеренные и, по ее мнению, вредные следствия интернет-революции. Избиратели были слишком требовательны и докучливы; мир стал жить в режиме 24/7, в нем стало невозможно ставить долгосрочные цели и стремиться к их осуществлению. Она все говорила и говорила, а я боролся с возникшим в моей голове когнитивным диссонансом от того, что подобные суждения высказываются за круглым столом, где была заявлена цель способствовать дальнейшему техническому развитию ЕС.

Очевидно, это была тенденция. Все согласились с моей оценкой расширения возможностей отдельной личности как мегатенденции №1 и правильного исходного тезиса при прогнозировании будущего. Но все больше участников начинали бить тревогу. В Кении, как предупреждала одна из присутствующих, «расширение возможностей отдельной личности приводит к большим рискам. Этническое родство там часть повседневной жизни, но может использоваться в политических целях и становится оружием в случае конфликта. Популизм набирает силу, а значит, никакой рыночной экономики, никакой социальной защиты, никакого правительства». В конце она озвучила свои самые серьезные опасения: «Я даже не уверена, будет ли Кения вообще существовать как единое государство через 20 или 30 лет». Она объясняла это постоянно растущей раздробленностью из-за роста значимости отдельной личности.

В демократической Бразилии один из бывших министров-либералов администрации Фернандо Кардозу насмешливо отзывался о росте значимости отдельной личности: «Политика индивидуальности ведет к раздробленности. Она не приводит к сближению ценностей, ведь

ее суть в том, чтобы отличаться от других, а не искать точки соприкосновения». Он говорил: «По мне, так мир больше похож на Гоббса, чем на Канта».

Томас Гоббс был английским философом, жившим в XVII в. во времена Английской гражданской войны и написавшим знаменитый труд под названием «Левиафан». Бóльшая часть книги посвящена демонстрации необходимости сильной центральной власти, чтобы избежать ужасов междоусобицы и гражданской войны. Иммануил Кант жил веком позже и считал, что каждый должен мыслить самостоятельно и быть свободным от указаний внешней власти. Он приветствовал французскую и американскую революции, как и попытки ирландцев отвоевать у британцев бóльшую автономию. Человек строгого порядка, он всего однажды позволил себе отменить свой ежедневный моцион — в день, когда услышал о взятии Бастилии жителями Парижа, что стало началом Французской революции⁴. Этот философ также знаменит своим трактатом «К вечному миру» (1795 г.). Он верил, что в раздираемой войнами Европе мир возможен, если государства будут строиться на власти закона.

Я никогда не думал, что университетский курс философии окажется таким полезным для моих размышлений о будущем, но он стал лейт-мотивом всей работы над докладом NIC. Какое будущее нас ждет, оптимистичное или пессимистичное? Что для государства означает рост возможностей отдельной личности? Вступаем ли мы в новую эпоху хаоса, перекликающуюся с европейским кровопролитием XVII и XVIII вв.?

Борьба между властями и личностью бесконечна. Но мы сейчас находимся в той точке исторического процесса, когда маятник слишком сильно качнулся в сторону личности. Я предполагаю, что в будущем он вернется обратно, но не скоро и не полностью. Это напоминает мне изобретение Иоганном Гутенбергом книгопечатного станка в середине XV в. и последствия такого технического прогресса. Он поставил под угрозу авторитет политических и религиозных властей,

подстегнул раскол, способствовал проникновению идей через границы и возникновению в Западной Европе протестантского среднего класса. Усилил раскол за счет распространения Библии и протестантских трактатов, революция книгопечатания обусловила социальные и политические процессы, которые привели к религиозным войнам в XVI в. Позже книгопечатный станок также стал важным орудием католической контрреформации. В итоге повысился уровень образования священников и распространилась практика печати религиозных трудов в помощь миссионерам, трудившимся в испанских и португальских владениях в Новом Свете.

Не менее сложную динамику мы наблюдаем сегодня в связи с ростом значимости личности. Как когда-то Библия Гутенберга, сегодняшние интернет и социальные сети запустили процесс долгой революции. Изменения нелинейны, это скорее зигзагообразное движение, приводящее к разнообразным последствиям, часто неожиданным. Государство никуда не денется, каким бы серьезным испытаниям оно ни подвергалось. Но негосударственные организации (НГО), включая личность и гражданское общество, становятся все более могущественными и начинают ставить под вопрос авторитет и легитимность правительства. Изменения, способствующие росту значимости личности, столь мощны, что приводят к глобальным переменам.

Нынешняя технологическая революция — существеннейший фактор перевеса в пользу личности. Он позволяет вырваться вперед тем, кто плелся в хвосте предыдущих революций. В Африке количество абонентов сотовой связи с 2002 г. каждый год увеличивается вдвое, причем в основном это пользователи смартфонов, получающие возможность выходить в интернет. Теперь там в два раза больше сотовых телефонов, чем в США. Стремительное распространение телефонии в Африке — пример того, как мобильные технологии преодолевают недостаточно развитую наземную инфраструктуру и подстегивают развитие коммуникаций и взаимосвязей. Наименее развитые страны вырываются вперед в таких сферах, как онлайн-банкинг, отчасти

потому, что отделений банков немного и мобильный банкинг занимает эту нишу.

Рост значимости отдельной личности остается сложным процессом, результаты которого будут неоднозначными. Будем надеяться, что положительные перевесят, но в краткосрочной и среднесрочной перспективе — как и в XV и XVI вв. — резкий рост новых средних классов, приобретших влияние благодаря новым технологиям, может оказаться разрушительным. Я постараюсь все разъяснить, когда мы будем рассматривать силы, которые поддерживают усиление личности и способствуют более широкому охвату, причем как те, появление которых можно предвидеть, так и возникающие неожиданно.

Самым очевидным симптомом, а также средством, при помощи которого отдельные личности приобретают большее влияние, становится рост их благосостояния. Он свидетельствует о росте мирового среднего класса, который и производит тектонический сдвиг. Невозможно переоценить значение этого фактора для понимания грядущей новой эры. В ближайшие пару десятилетий большинство населения планеты перестанет быть бедным и средние классы станут самым важным экономическим и социальным сектором — не только на Западе, но и в большинстве стран мира.

Как мы можем охарактеризовать средний класс? Обычно принято говорить о потреблении на душу населения. Международная модель будущего, которую я использовал для определения принадлежности к среднему классу, исходит из цифры в 10–50 долларов в день на расходы домохозяйств на душу населения по паритету покупательной способности (ППС). Банк Goldman Sachs, проводивший это исследование, исходил из показателей ВВП в 6–30 тыс. долларов в год на душу населения⁵. В зависимости от конкретных уровней доходов и потребления можно получить разные показатели принадлежности к среднему классу. По самым скромным прогнозам, сегодняшний миллиард вырастет до двух. Другие предсказывают три и более миллиарда представителей среднего класса к 2030 г. Согласно отчетам ЕС за последние

10 лет, более 70 млн человек пополнили ряды среднего класса. По европейским оценкам, «к 2030 г. чуть больше половины населения планеты» могли бы стать средним классом⁶. Население Земли к 2030 г. должно составить 8,3 млрд человек. Получается, что около 4 млрд из них будут представителями среднего класса⁷.

Самый быстрый рост будет наблюдаться в Азии. Доля европейского и американского среднего класса уменьшится с 50 до всего лишь 22% от мирового показателя, причем 2015 г. станет «первым за 300 лет годом, когда число азиатских представителей среднего класса сравняется с показателем по Европе и Северной Америке»⁸. Если Китаю удастся добиться желаемого роста расхода на домохозяйства хотя бы со скоростью роста ВВП, то, по оценкам Азиатского банка развития, произойдет настоящий бум среднего класса: «уровень жизни 75% населения Китая будет соответствовать стандартам среднего класса, а нищета с расходами по два доллара в день будет практически ликвидирована»⁹.

В одном из исследований было обнаружено, что в 2010 г. в Китае средний класс составлял всего 4% населения и страна «могла бы совершить головокружительный скачок и стать к 2020 г. крупнейшим рынком покупателей среднего класса, обойдя США»¹⁰. Однако Китай в ближайшие 10 лет может обогнать Индия благодаря более высоким темпам роста населения, характерным для этой страны, и более равномерному распределению доходов среди населения¹¹.

Goldman Sachs в своем исследовании подчеркивает, что, даже не принимая в расчет Индию и Китай, «новичков в среднем классе все равно будет больше, чем на протяжении многих десятилетий»¹². Многочисленные исследования показывают, что темпы роста размеров среднего класса на Африканском континенте будут выше, чем где бы то ни было в быстроразвивающемся мире, однако его базовый уровень окажется очень низким.

Большая часть этого мирового среднего класса по западным стандартам будет скорее низшим средним классом. Рост количества

представителей верхней части шкалы — которая, скорее всего, будет больше соответствовать западным стандартам — будет также существенным: с 350 млн в 2010 г. до 679 млн в 2030 г.¹³ Следующее поколение лидеров в развивающихся странах с большой вероятностью будет происходить из этого сегмента.

Бедность не исчезнет полностью, и страх скатиться назад, скорее всего, будет преследовать многих представителей нового среднего класса. Один кенийский высокопоставленный чиновник переживал, что «средний класс совсем близок к низшему. Они уязвимы и предрасположены к тому, чтобы скатываться обратно на уровень прожиточного минимума». Сегодня в мире около 1 млрд человек живут в условиях крайней нищеты, зарабатывая менее 1,25 доллара в день, и более 1 млрд человек недоедает¹⁴. Число таких людей практически не менялось на протяжении долгого времени, но их процент снижался вместе с ростом населения планеты. Многие люди, находившиеся далеко за чертой бедности, переместились значительно ближе к ней благодаря экономическому развитию. В отсутствие мирового экономического кризиса количество людей, живущих в *крайней* нищете, будет неизбежно снижаться по мере роста доходов в большинстве стран мира. В 2010–2030 гг. их число может сократиться на 50%, но все же оставаться существенным: в 2030 г. это будет около 300 млн в одной только Африке, причем многие из них будут голодать¹⁵.

Число людей, живущих в условиях крайней нищеты, в Восточной Азии, особенно в Китае, существенно снизилось и будет и дальше падать благодаря быстрому экономическому росту. Ожидается, что эти показатели будут быстро снижаться в Южной Азии и на Ближнем Востоке. Но в странах Африки, расположенных к югу от Сахары, средний человек, живущий в условиях крайней нищеты, будет гораздо беднее среднего нищего в Восточной Азии¹⁶.

Большинство сценариев — кроме разве что самых мрачных — сходятся в том, что к 2030 г. будут достигнуты существенные успехи в борьбе с нищетой. И все же если случится продолжительный